

СООБЩЕНИЯ

И. А. Кузьмина

О ПРЕБЫВАНИИ В СМОЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ СЕСТЕР ФЕТА АННЫ И НАДЕЖДЫ ШЕНШИНЫХ

В книге воспоминаний Фета «Ранние годы моей жизни» содержится рассказ о его юношеском романе с Еленой Григорьевной Б. (имя девушки, вероятно, вымышленное), служившей в Новоселках гувернанткой младших дочерей Афанасия Неофитовича Шеншина. Летом 1839 года молодые люди тайно обручились, а после отъезда Фета в Москву некоторое время общались посредством переписки. Дальнейший ход событий мемуарист описывает так: «Пламенная переписка между Еленой Григорьевной и мною продолжалась до начала октября; но вдруг совершенно неожиданно явился Илья Афанасьевич с известием, что „папаша прибыли в Москву и остановились с сестрицами Анной и Надеждой Афанасьевными у Харитония в Огородниках, в доме П. П. Новосильцова и просили пожаловать к ним“. На дворе Новосильцова стояла наша желтая четвероместная карета, в которой отец, в сопровождении няньки Афимьи, привез моих сестреноч, чтобы везти их в Смольный монастырь. <...> После обеда <...> отец, оставшись со мною наедине, неожиданно вдруг сказал: „Беспутную Елену Григорьевну я расчел, а девочек везу в институт. Матку-правду сказать, некрасивую глупость ты там затеял. <...>“. На другой день отец уехал в Петербург, а недели через две тем же путем проследовал в Новоселки».¹

Приведенный выше фрагмент интересен не только в связи с историей едва ли не первого серьезного увлечения поэта, но и тем, что здесь в последний раз упоминается его сестра Анна. Известно, что у А. Н. Шеншина было две дочери с таким именем. О первой из них,

¹ РГ. С. 172–173.

умершей в раннем детстве, мы знаем только из воспоминаний Фета.² Вторая Анна в январе 1835 года была занесена в шестую часть дворянской родословной книги вместе с другими детьми Афанасия Неофитовича; о том, что с ней стало после определения в Смольный институт, Фет, довольно подробно рассказавший о других своих сестрах, Любви и Надежде, умалчивает. Не проясняют вопрос и опубликованные списки выпускниц Смольного: Анна Шенщина, в отличие от Надежды Шенщиной, в них не значится.³

Императорское Воспитательное общество благородных девиц — таково было официальное название Смольного института — являлось старейшим женским учебным заведением в России и за свою долгую историю претерпело ряд существенных изменений. Скажем несколько слов о том, что представлял собой Смольный институт к сороковым годам XIX века. Прежде всего, надо пояснить, что на территории Воскресенского Новодевичьего монастыря, построенного в XVIII веке на месте Смольного двора, сосуществовали, по сути, два учреждения: аристократическое Воспитательное общество и состоявшее при нем Мещанское училище, постепенно превратившееся в учебное заведение для дочерей низшего дворянства и чиновничества. Оба учреждения размещались в специально возведенных для них к югу и северу от монастырского комплекса зданиях, соединенных длинным коридором, отчего институт было принято делить на две половины: «благородную» и «мещанскую». После того как в 1842 году Мещанское училище было переименовано в Санкт-Петербургское Александровское, «мещанская» половина стала называться Александровской,⁴ а «благородная» — Николаевской. Говоря о Воспитательном обществе (Смольном институте), мы будем иметь в виду только «благородную» его половину.

Смольный институт был задуман как благотворительное учебное заведение, большинство воспитанниц зачислялось по результатам баллотировки и содержалось на государственный счет. Кроме того, в институте были пансионерки членов императорской фамилии и так

² РГ. С. 4, 7.

³ См.: Черепнин Н. П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц: Исторический очерк. 1764—1914: В 3 т. Пг., 1915. Т. 3. С. 550—555. Далее ссылки на это издание: Черепнин, с указанием тома и страницы.

⁴ Окончательное отделение Александровского училища произошло в 1865 г., когда ему был присвоен статус Александровского института благородных девиц 2-й категории. В Александровском училище в 1850-х — начале 1860-х гг. воспитывалась писательница Е. Н. Водовозова (урожд. Цевловская; 1844—1923), известная своими воспоминаниями «На заре жизни», в которых, в частности, рассказывается о ее пребывании в училище.



Собор Смольного монастыря.
Петербург, около 1840-х гг. Гравюра на стали

называемые своекоштные воспитанницы, за которых платили их родственники.⁵

По правилам, изданным еще в 1805 году вдовствующей императрицей Марией Федоровной и продолжавшим действовать после ее смерти вплоть до реформы К. Д. Ушинского, в Воспитательное общество принимали «девиц природного дворянского происхождения, засвидетельствованного предводителями дворянства», и «дочерей чиновников, имеющих чины по воинской службе не ниже полковника, а по статской не ниже статского советника».⁶ Под природными дворянами подразумевались исключительно дворяне, записанные в пятую и шестую части родословной книги, то есть титулованные и столбовые. Это правило соблюдалось строго⁷ и касалось как штатных воспитанниц, поступавших на казенные вакансии, так и своекоштных. А. Н. Шеншин недаром добивался причисления себя и своего потом-

⁵ Черепнин. Т. 1. С. 422.

⁶ Там же. С. 409.

⁷ Н. П. Черепнин приводит следующий пример: петербургский митрополит Антоний ходатайствовал о принятии в Общество двух его внучек; ему, согласно воле императрицы, было, однако, отказано ввиду того, что они были записаны не в шестую, а в третью часть дворянской родословной книги (Там же. Т. 2. С. 137).



Здание Императорского Воспитательного общества благородных девиц.
Гравюра. Около 1864 г.

ства к древнему дворянству уже после того, как в 1830 году без хлопот оформил потомственное дворянство по своему чину ротмистра.⁸

Императрица Мария Федоровна смягчила крайности екатерининского устава, сократив максимальный срок пребывания в институте с двенадцати до девяти лет и увеличив до восьми лет минимальный возраст поступления. При этом Смольный остался закрытым учебным заведением, воспитанницы могли покидать его стены только в исключительных случаях и только с разрешения начальства, время посещения родственников было ограничено. Смолянки делились по возрастам на три класса, именуемые по цвету форменных платьев кофейным, голубым и белым (старший класс получил свое название по цвету бального наряда выпускниц, обычная форма была темно-зеленой). Срок обучения в каждом классе составлял три года, соответственно каждые три года происходил выпуск и новый набор воспитанниц на казенные вакансии.

Личное дело сестер Шеншиных хранится в настоящее время в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, в составе фонда Воспитательного общества благородных девиц. Открывает дело комплекс документов, поступивший в Совет Воспи-

⁸ См. об этом подробнее: *Кузьмина И. А.* Материалы к биографии А. А. Фета // *РЛ.* 2003. № 1. С. 141.

тательного общества 25 февраля 1840 года с пометой: «получено от Его Прев<осходительст>ва Н. П. Новосильцова».⁹

1

В учрежденный при Воспитательном обществе благородных девиц
Совет
ротмистра Афанасья Неофитова сына Шеншина
Прошение

Желая доставить дочерям моим, Анне 9-ти и Надежде 7-ми лет, приличное званию их воспитание, покорнейше прошу оный Совет исходатайствовать Высочайшее Ее Императорского Величества соизволение на принятие их в младший благородный возраст пансионерками на моем иждивении. При сем честь имею представить свидетельства о происхождении, рождении, здоровье и учении помянутых дочерей моих вместе с надлежащим обязательством в исправном платеже пансионных денег.

<Рукой Шеншина:>

К сему прошению ротмистр Афанасий Неофитов сын Шеншин руку приложил.

Февраля дня,
1840-го года.¹⁰

2

1840-го года февраля дня, я, нижеподписавшийся ротмистр Афанасий Шеншин, во исполнение Высочайше утвержденных в ноябре месяце 1834-го года правил, дал сию подписку Воспитательному обществу благородных девиц в том, что если последует Высочайшее Ее Императорского Величества соизволение на принятие дочерей моих Анны и Надежды в Общество благородных девиц пансионерками на соб-

⁹ *Новосильцов* Николай Петрович (1789–1856) — тайный советник, сенатор, член Комиссии прошений, в 1832–1842 гг. член Совета Воспитательного общества благородных девиц. В качестве орловского помещика был знаком с А. Н. Шеншиным, посещал Новоселки и даже обращался к Шеншину за помощью в управлении именьями (*РГ. С.* 75); в 1835 г. содействовал помещению Любы Шеншиной в Екатерининский институт. Фет вспоминает, как перед отъездом в Верро отец возил его в дом Н. П. Новосильцова на Миллионной улице (Там же. С. 80).

¹⁰ *ЦГИА СПб.* Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 2. Анна Шеншина родилась 7 ноября 1830 г., Надежда Шеншина — 11 сентября 1832 г. (*РГИА.* Ф. 1343. Оп. 33. № 1077. Л. 497–497 об.).

ственное мое иждивение, то следующие за них во все время воспитания пансионные деньги, составляющие на серебро по 700 рублей ежегодно, обязуюсь платить за каждые полгода вперед без всяких недоимок, не требуя сих денег обратно и тогда, когда бы помянутые дочери мои по каким-либо обстоятельствам взяты были из сего Заведения и прежде срока, по который внесены за них деньги. В обеспечение сего предьявляю недвижимое мое имение, состоящее Воронежской губернии Землянского уезда, в деревне Васильевке 250 душ.

<Рукой Шеншина:>

Ротмистр Афанасий Неофитов сын Шеншин.¹¹

3

1840-го года февраля дня, мы, нижеподписавшиеся, ручаемся в исправном платеже означенных пансионных денег с тем, что если оные по прошествии 3-х месяцев после срока не будут внесены, то мы обязуемся при первом востребовании немедленно заплатить все что следует, не доводя Общество ни до какой дальнейшей переписки, хотя бы и было известно, что за отцом или родственниками сих девиц есть имение.

<Подписи:>

Статс-секретарь, сенатор, тайный советник и кавалер Николай Новосильцов. Недвижимое мое имение, в 1200 душах заключающееся, находится Орловской губернии в Болховском уезде.

Во всем вышеписанном за девиц Шеншинных ручаюсь. Тайный советник Семен Маврин.¹²

4

Свидетельство № 15

Дано сие по определению Орловского дворянского депутатского собрания, настоящего 1835 года генваря 22 дня состоявшемуся, г. ротмистра Афанасья Неофитовича Шеншина дочери Анне, имеющей от роду

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 3.

¹² Там же. Л. 4. Маврин Семен Филиппович (1772—1850) — тайный советник, сенатор, с 30 декабря 1840 г. действительный тайный советник. Маврин был давним приятелем Петра Неофитовича Шеншина, крестного отца Фета. В 1833 г. он купил в Болховском уезде Орловской губернии несколько имений, в том числе Мымирино и Ильинское. Летом 1840 г. Фет приезжал для охоты в Ильинское, ночевал в пустующем барском доме (РГ. С. 186—188; см. также: Ашихмина Е. Н. Ильинское: хозяева и гости // Орловский вестник. 2008. № 29). Позднее Фет случайно познакомился с зятем С. Ф. Маврина, Борисом Григорьевичем Глинкой-Мавриным (ок. 1810—1895) (см.: РГ. С. 189—190).

четыре года, в том, что она действительно происходит из дворян, и вышеозначенный родитель ее, по представленным на дворянство доказательствам, внесен в шестую часть Дворянской родословной книги Орловской губернии.

Генваря 28 дня 1835 года.

<Подписи:>

Приявший должность губернского, орловский уездный предводитель дворянства подполковник и кавалер Павел Глебов.

Секретарь дворянства Козаков.

Столоначальник Петровский.¹³

5

Свидетельство

Сим свидетельствую, что мценского помещика ротмистра Афанасья Неофитова Шеншина дочь Анна по моему осмотру имеет прививную предохранительную оспу и никакими не одержима болезнями, могущими препятствовать к принятию ее в какое-либо казенное учебное заведение. Февреля 3 дня 1840 года.

Орловской Врачебной управы инспектор Дешпиш.¹⁴

6

1840-го года февраля дня дано сие свидетельство в том, что девицы Анна и Надежда Шеншины, дочери ротмистра Афанасья Шеншина, обучены чтению и письму на российском, немецком и французском языках.

<Подписи:>

Действительный статский советник и кавалер Петр Васильев сын Милорадович.

Сенатский регистратор Егор Андреев сын Козьмин.¹⁵

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 5. Аналогичное свидетельство № 16, выданное Надежде Шеншиной: Там же. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 7. Аналогичное свидетельство, выданное Надежде Шеншиной: Там же. Л. 8. Михаил Балтазарович *Дешпиш*, по данным адрес-календаря на 1839 г., был инспектором во Врачебной управе Орловской губернии.

¹⁵ Там же. Л. 9. *Милорадович* Петр Васильевич (1782–1861) — орловский губернский предводитель дворянства (1821–1832), с 1839 г. действительный статский советник. Владел благоприобретенным имением при селе Упорой Дмитровского уезда Орловской губернии. *Козьмин* (возможно прочтение «Казмин») Егор Андреевич — лицо неустановленное. Милорадович и Козьмин в 1840 г., видимо, не

29 февраля 1840 года Совет Воспитательного общества благородных девиц, рассмотрев прошение Шеншина и представленные им документы, положил, «согласно с мнением г. начальницы, испросить всеподданнейшим докладом Высочайшее Ее Императорского Величества соизволение принять ныне же в кофейный класс Общества девиц Анну и Надежду Шеншинных пансионерками на иждивении отца». ¹⁶ В деле имеется копия с представленного императрице Александре Федоровне доклада, который был утвержден ею 7 марта 1840 года (на подлинном — резолюция императрицы: «Согласна. Александра»). ¹⁷

Завершив свои дела, Шеншин 7 или 8 марта покинул Петербург, причем выехал он в направлении не Москвы, а Дерпта. ¹⁸ Рядом с Дерптом находился небольшой городок Верро с пансионом Генриха Крюммера, где в свое время воспитывался Фет, а позднее его брат Василий. В январе следующего года, когда Шеншин приезжал в Петербург за старшей своей дочерью Любовью, выпущенной из Екатерининского института, его путь также пролегал через Дерпт. Очевидно, обе поездки были как-то связаны с определением Василия в пансион. ¹⁹

состояли на государственной службе, но этого и не требовалось. В «Правилах на определение в С.-Петербургское училище Ордена св. Екатерины девиц пансионерками на иждивение их родителей», где дается описание необходимых документов (тех самых, что предоставил А. Н. Шеншин), сказано, что свидетельство об учении должно быть «за подписанием каких-либо достоверных особ» (*ЦИИА СПб. Ф. 3. Оп. 1. № 164. Л. 150 об.*). Правила для определения в Смольный были аналогичными.

¹⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 10—10 об.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1840. 10 марта. № 56. Л. 552. Далее ссылки на эту газету: *Прибавления*, с указанием года, номера и страницы.

¹⁹ Поскольку год поступления Василия в пансион неизвестен, рассмотрим этот вопрос подробнее. Судя по газетным сообщениям, Шеншин побывал в Дерпте в марте 1840 и в январе 1841 г. Воспоминания Фета противоречивы: поэт утверждает, что, приехав в Новоселки на летние каникулы после неудачных экзаменов (по политической экономии он получил единицу), обнаружил дома семилетнего Петрушу, при котором был учитель-семинарист, а другого брата, Васю, отец «еще зимою» отvez «кратчайшим путем в Верро в институт Крюммера» (*РГ. С. 181—182*). Экзамен у профессора Чивилева Фет провалил весной 1840 г. (*Летопись (1885). С. 143*). С другой стороны, брату Петру исполнилось семь лет 15 февраля 1841 г., сомнительно, что годом раньше у него уже был учитель. Представляется важным и замечание Фета о кратчайшем пути. Обычный путь в Дерпт пролегал через Москву и Петербург, таков был маршрут Шеншина в феврале — марте 1840 г. Маршрут 1841 г. был, видимо, построен иначе: Шеншин, прибывший в Петербург из Дерпта 24—26 января, выехал оттуда 9 или 10 марта в направлении не Москвы, а сразу Мценска (*Прибавления. 1841. 28 января. № 22. С. 216; 12 марта. № 57. С. 634*). Все это склоняет к предположению, что Шеншин отдал Василия



Смольный институт. Прием родителей



Смольный институт. Урок танцев. Менуэт.
Фотографии Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг».
Петербург, 1880-е — начало 1900-х гг.

Но вернемся к младшим дочерям А. Н. Шеншина. 7 марта они были приняты в Смольный институт, фактически же поступили туда несколько позже, для чего Шеншину пришлось еще раз посетить столицу. По сообщениям газет, Шеншин, прибыв в Петербург 28–30 июня 1840 года, выехал обратно в Москву 11 или 12 июля.²⁰ А 10 июля он отвез дочерей в Смольный, о чем свидетельствуют следующие документы:

1

1840-го года, июля 10-го дня, я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в Канцелярии Совета Воспитательного общества благородных девиц в том, что обязуюсь представленных мною ныне в младший благородный возраст дочерей моих, *Анну* и *Надежду Шеншиных*, пансионерками на моем иждивении, по окончании узаконенного для воспитания срока принять обратно вовсе на мое попечение; вероисповедания они православного, в чем собственноручно подписуюсь.

<Рукой А. Н. Шеншина:>

Ротмистр Афанасий Шеншин.

Жительство имею Орловской губернии во Мценском уезде.²¹

2

<Копия квитанции>

№ 420

1840-го года, июля 10-го дня, получено в сумму Воспитательного общества благородных девиц от ротмистра Афанасья Шеншина за воспитывающихся в оном Обществе пансионерками (Так! — *И. К.*) на его иждивении дочерей его, Анну и Надежду Шеншиных, пенсионных денег, считая сего года, июля с 10-го числа впредь на один <год>, то есть по 10-е число июля месяца будущего 1841-го года, серебром *семьсот* рублей, в чем и дана сия квитанция, с приложением оного Общества печати.

Кассир.

<Рукой А. Н. Шеншина:>

Подлинную квитанцию получил ротмистр Афанасий Шеншин.²²

в пансион в январе 1841 г. — уже после того, как в 1840 г. устроил дочерей в Смольный институт.

²⁰ *Прибавления*. 1840. 2 июля. № 146. С. 1533; 14 июля. № 157. С. 1618.

²¹ *ЦГИА СПб*. Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 12.

²² Там же. Л. 22.

Пас. Волн. 1839

1840^{го} года, Июля 10^{го} дня, получено в сумму
 Воспитательного Общества благородныхъ
 дворянъ отъ Ротмистра Афонася и
 Шеншина и
 за воспитывающихся въ ономъ Обществе
 пенсионерками на ея изданные дочери его
 Анны и Надежды Шеншиныхъ
 пенсионныхъ денегъ счтая сего года, Июля
 съ 10^{го} числа впредь на одинъ , то есть на
 10^{ое} число Июля, мѣсяца будущаго 1841^{го}
 года серебромъ смысло рублей, въ галъ и дана
 сия квитанція съ приложениемъ оного Обще-
 ства печати.

Кассиръ
 Подписанъ и вѣдѣнъ поучителъ ротмистръ Афонасий Шеншинъ

№ 420

22

Квитанция об оплате обучения за 1840/1841 г. в Смольном институте Анны и Надежды Шеншиных, выданная А. Н. Шеншину 10 июля 1840 г.

Как видим, Шеншин возил дочерей в Петербург дважды, в феврале и июле 1840 года, причем оба раза — через Москву. Фет в своих воспоминаниях мог описать только зимний приезд отчима, поскольку июнь—июль он провел в Новоселках.²³ Следовательно, датировка интересующего нас эпизода находится в интервале между 3 февраля (такова дата на справках о здоровье девочек, выданных в Орле) и 25 февраля 1840 года, когда прошение Шеншина поступило в Совет Воспитательного общества. Скорее всего, Фет виделся с проезжающими через Москву отчимом и сестрами и узнал об увольнении «мадмуазель Б.» в середине февраля 1840 года.

Воспитанниц, поступивших на казенные вакансии, привозили в институт к 1 августа, когда начинался учебный год. Для «своекоштных» правила были другие. Они «зачислялись во всякое время, независимо от общего приема, с соизволения Их Величеств, но должны были подвергнуться экзамену в объеме пройденного в соответствующую

²³ Летпись (1985). С. 143.

щем классе».²⁴ Неизвестно, экзаменовали ли сестер Шеншиных, но с разрешения императрицы они были определены в класс младшего возраста, общий прием в который состоялся в 1839 году. Трудно сказать с определенностью, почему Шеншин не оставил детей в институте сразу после их зачисления, предпочтя четыре месяца спустя повторить тысячеверстный путь до Петербурга. Естественное предположение, что первый раз он ездил один или с сыном Василием, а дочерей благодаря ходатайству Н. П. Новосильцова устроил в институт заочно, по документам, вступает в противоречие с воспоминаниями Фета.

Теперь перейдем к документам, проливающим свет на судьбу Анны Шеншиной.

Из рапорта начальницы Воспитательного общества М. П. Леонтьевой статс-секретарю А. Л. Гофману от 8 февраля 1844 года:

С сердечным прискорбием нужным считаю уведомить Ваше Превосходительство, что воспитывавшаяся в среднем возрасте Общества благородных девиц девица Анна Шеншина, пансионеркою отца своего, вчерашнего числа в ночи после 2-хдневного пребывания в лазарете от последствий внезапной жестокой боли в желудке и судорог скончалась. В предположении, что это мог быть летаргический сон, все средства употреблены были для приведения ее в себя; но все старание врачей было тщетно.²⁵

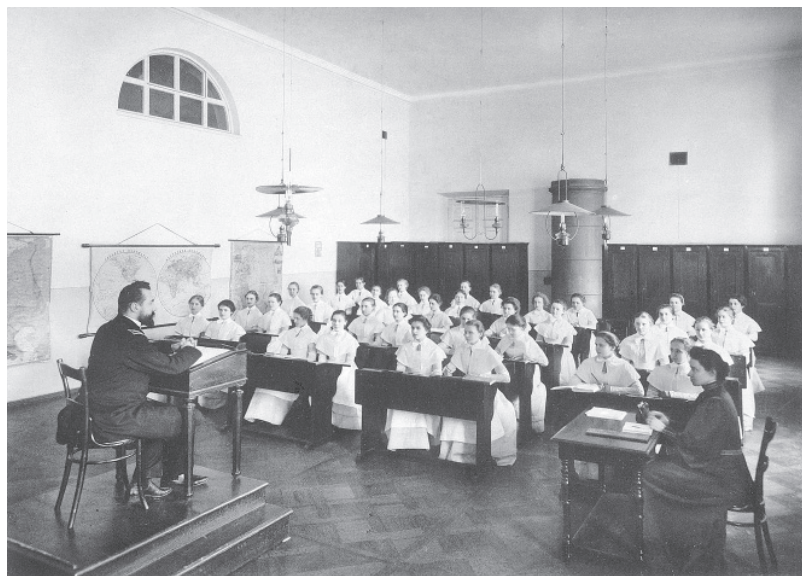
Из рапорта инспектора по медицинской части учреждений императрицы Марии И. Ф. Рюля статс-секретарю А. Л. Гофману от 10 февраля 1844 года:

Вследствие скоропостижной смерти, приключившейся в ночь от 7-го на 8-ое число сего февраля, в 4 часа, с воспитанницею Общества благородных девиц 2-го класса Анною Шеншиною, долгом поставляю донести Вашему Превосходительству, что на 3-ий день после кончины помянутой девицы произведено было вскрытие тела ее, и что чрез сие найдено, имею честь в приложенном при сем описании представить Вашему Превосходительству для всеподданнейшего донесения Государю Императору <...>.²⁶

²⁴ *Черепнин*. Т. 2. С. 139.

²⁵ РГИА. Ф. 759. Оп. 4. № 219. Л. 74. *Леонтьева* Мария Павловна (урожд. Шипова; 1792–1874), воспитанница Смольного института (1800–1809), выпущена с шифром. С 1838 г. помощница начальницы, с 1839 г. и до конца жизни — начальница Смольного. *Гофман* Андрей Логгинович (1798–1863), статс-секретарь по делам управления учреждениями императрицы Марии (1842–1861).

²⁶ Там же. Л. 71.



Смольный институт.
Урок истории в I классе городского (первого) отделения



Смольный институт.
Урок французского языка в III классе неевского (второго) отделения.
Фотографии Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг».
Петербург, 1880-е — начало 1900-х гг.



Смольный институт. Дортуар



Смольный институт. Столовая.
Фотографии Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг».
Петербург, 1880-е — начало 1900-х гг.

<Акт о вскрытии тела Анны Шеншиной>

1844 года, февраля 5-го числа, прибыла в лазарет Общества благородных девиц воспитанница среднего класса оного Общества девица Анна Шеншина, у которой при осмотре врачей нашли признаки незначительной желудочной лихорадки; почему прописано было соответственно положению ее лекарство. В продолжение двух суток до 4-го часу пополудни 7-го числа сего же месяца больная провела довольно спокойно, когда вдруг в означенном 4-м часу, проснувшись, почувствовала сильную боль под ложечкою, сделалась рвота, вслед за сим судороги, при коих в короткое время и скончалась.

При вскрытии тела на трети сутки, в присутствии господина инспектора, лейб-медика Рюля, гг. профессоров Буяльского и Пирогова, также врачей сего заведения, нашли следующее:

<...> Из состояния органов, найденного при вскрытии, очевидно, что больная, находившаяся в летах развития, страдала уже прежде болезнию, известною под именем девичьей немочи (chlorosis), в которой, как известно, кровь имеет водянистое свойство с уменьшенным количеством багряности и волокнины (fibrin); в последние дни жизни, от неизвестной причины, образовалось скопление серозно-кровяной влаги в обеих полостях груди (правой и левой) околосолеводной сумки и в ткани самого легкого, чрез просачивание, без всяких признаков воспаления и было непосредственно или ближайшею причиною смерти от онемения сердца и легких.

<Подписи:>

Старший доктор Общества благородных девиц Корнелиус.

Профессор доктор Пирогов.

Заслуженный профессор Буяльский.

Инспектор, лейб-медик Иван Рюль.²⁷

Внезапная кончина Анны Шеншиной не была в то время событием исключительным: слабое развитие медицины отзывалось высокой детской смертностью. Как отмечает Н. П. Черепнин, воспитанницы Смольного умирали почти ежегодно: «Донося императрице о минув-

²⁷ РГИА. Ф. 759. Оп. 4. № 219. Л. 72–73. Дубликат этого документа хранится в личном деле сестер Шеншиных (ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 16–16 об., 31). Корнелиус Федор Иванович (ум. 1848) — доктор медицины, служил в Воспитательном обществе с 1837 г. Пирогов Николай Иванович (1810–1881) — основоположник русской военно-полевой хирургии; в 1844 г. профессор кафедры хирургии Медико-хирургической академии. Буяльский Илья Васильевич (1789–1866) — заслуженный профессор кафедры анатомии Медико-хирургической академии, академик (с 1842 г.); способствовал развитию отечественной судебной медицины. Рюль Иван Федорович (Johann Georg von Ruhl; 1768–1846) — лейб-медик, действительный тайный советник, инспектор медицинской части Учреждений императрицы Марии, доктор медицины и хирургии.

шем 1845 „счастливым“ годе, когда не было ни одного смертного случая среди воспитанниц, М. П. Леонтьева добавляет с тревогой: „...Сependant je ne jouis de cette joie qu’avec crainte et tremblement dans l’idée que l’année actuelle prendra peut-être sa revanche sur la précédente... (…Тем не менее я наслаждаюсь этой радостью лишь со страхом и трепетом от мысли, что нынешний год, возможно, возьмет реванш за предыдущий. — *франц.*)“». ²⁸ Характерно, что врачи, подписавшие акт о вскрытии тела Шеншиной, среди которых были такие выдающиеся специалисты, как хирург Н. И. Пирогов и анатом И. В. Буяльский, не смогли установить настоящую причину смерти.

Вскрытие показало, что Анна страдала так называемой «девичьей немочью», то есть малокровием, обычной для смолянок болезнью, развивавшейся в значительной степени из-за скудного и лишённого некоторых необходимых элементов питания. «Надо сказать, что нас очень плохо кормили, мы всегда были голодные, — вспоминает одноклассница сестер Шеншиных М. С. Угличанинова. — Не говорю уже, из какой провизии и как были приготовлены кушанья, с этим, пожалуй, мы бы и примирились, если бы хотя порции были побольше или давали достаточно черного хлеба, но все это было так аккуратно размерено, что из-за стола мы выходили всегда голодные, а мы ведь росли и постоянно были в движении».

Никаких сведений о том, где была похоронена сестра Фета, в документах фонда Воспитательного общества найти не удалось. О реакции родных Анны можно судить по письму ее отца, А. Н. Шеншина, обращенному к начальнице Воспитательного общества М. П. Леонтьевой, которое публикуем ниже, сохраняя некоторые особенности авторской пунктуации.

Ваше Превосходительство!
Милостивая Государыня!
Мария Павловна.

Сколь много поразила меня весть о смерти дочери моей Анны, — Ваше Превосходительство можете вообразить собственным Вашим христианским, материнским чувством, но скорбь мою родительскую не помрачило ни даже мгновенное сомнение о материнском Вашем и всех

²⁸ *Черепнин*. Т. 2. С. 128.

²⁹ *Угличанинова М. С.* Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. М., 1901. С. 24—25. Далее ссылки на это издание: *Угличанинова*, с указанием страницы. Дочь небогатых провинциальных дворян, Мария Сергеевна Угличанинова (урожд. Воронова) поступила в Смольный институт в 1839 г. и была выпущена одновременно с Надей Шеншиной.

Ваше Превосходительство¹

Милостивый Государь!

Мари́ Павловна.

Жаль много порадила меня весть о смерти Вашей маи² Анны; —
Ваше Превосходительство можете вообразить себе, как я была
счастлива, когда, материнским чувством, по смерти маи родителей
— Окру не полагало, ни даже ислыбленное Святии³, о Материнской
Вашей и востановил мнѣ достойный помощникъ и сотрудникъ
— мнѣ Вашимъ попомощи въ Святии утѣшил; маи души утѣ-
— дель, и истинно предсмертная возглаголю: « все оное и искусство маи
— душины было истинно; — Знаю, что великий покровитель детей наших Его Светлость!
Его Светлость! даже тело усопшей почтил воззрениемъ.

Повторяя предъ лицомъ Бога, Святии мнѣ Родительский,
въ материнскомъ попомощи, и истинно возглаголю и
предсмертною мнѣ возглаголю и предъ Родит.

Вашего Превосходительства¹

Милостивый Государь

Вспомогательный Судья

Абрамъ Максимовъ,

28 февраля
1844 года

P.S.

Письмо А. Н. Шеншина к М. П. Леонтьевой от 28 февраля 1844 г.
Первая страница

известных мне достойных помощниц и сотрудниц Ваших, о попечении
в болезни усопшей; — напротив: всею душою убежден и истинной
предсмертною возглашаю: « все оное и искусство медицины было исто-
щено». — Знаю, что великий покровитель детей наших Его Светлость!
даже тело усопшей почтил воззрениемъ.

Повторяя пред лицом Бога совершенную мою благодарность за материнское попечение, с истинным высокопочитанием и преданностью имею удовольствие и честь быть

Вашего Превосходительства!
Милостивой Государыни
всепокорнейшим слугою
Афанасий Шеншин.

28-го февраля
1844 года.

P. S.

Решился, Ваше Превосходительство, всепокорнейшее просить! приказать, по получении этого письма, — отслужить панихиду по усопшей, ежели это не противно порядку вверенного Вам заведения, или в соседней церкви. — Простите великодушно дерзость отца, — понимающего возвышенную Вашу душу!!!³⁰

Из рассмотренных документов явствует, что Анна Шеншина скончалась от неустановленной болезни в лазарете Смольного института 7 февраля 1844 года в возрасте 13 лет. Ее сестра Надя осталась в институте до конца положенного срока, вплоть до начала марта 1848 года. В «Списке девиц, выпущенных в 1848 году из Общества благородных девиц» есть следующая запись за номером 71:

Надежда Неофитовна Шеншина, аттестат за № 387 и книгу Нового Завета получила. <Подпись:> Надежда Шеншина.

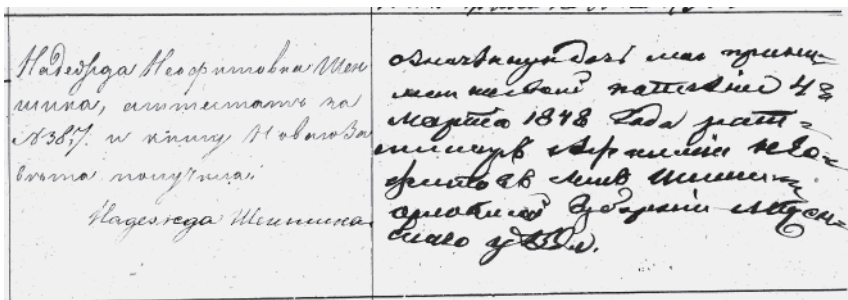
И справа, рукой А. Н. Шеншина:

Означенную дочь мою принимаю на свое попечение 4-го марта 1848 года. Ротмистр Афанасий Неофитов сын Шеншин Орловской губернии Мценского уезда.³¹

Нельзя не отметить курьезный факт: во всех документах Воспитательного общества, начиная с обложки личного дела, сестры Шенши-

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 15–15 об. «Великий покровитель детей наших Его Светлость» — принц Петр Георгиевич Ольденбургский (1812–1881), выдающийся деятель в сфере просвещения и благотворительности; член совета Воспитательного общества (1839–1853), впоследствии (с 1845 г.) председатель Главного совета женских учебных заведений. Угличанинова вспоминает, что принц Петр Ольденбургский был главным начальником надо всеми в Смольном, куда приезжал каждую неделю (Угличанинова. С. 20). Вероятно, подробности, касающиеся смерти его дочери, Шеншин узнал из письма Н. П. Новосильцова.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. № 5197. Л. 183.



Запись о выпуске Н. А. Шеншиной из Смольного института в 1848 г.

ны записаны как Неофитовны. Ошибка была обнаружена только в марте, за считанные дни до выпуска, скорее всего, на нее указал прибывший за дочерью Шеншин.³²

В воспоминаниях Фета Надя предстает интеллигентной, любознательной девушкой. Например, описывая совместное с сестрой путешествие по Италии, поэт отмечает: «Она сумела до известной степени сообщить мне свое живое сочувствие к произведениям искусств, которым исполнена была сама. Обладая прекрасною историческою памятью, она сумела заинтересовать и меня своими любимыми дорафаэлевскими живописцами <...>».³³ Тем не менее в институте Надю определили во второе отделение, вместе со сравнительно слабыми ученицами. Возможно, причина заключалась в ее хрупком здоровье. Предметы, изучавшиеся во втором отделении, были те же, что и в первом, но преподавались в меньшем объеме. «Общий рапорт по классной части об успехах воспитанниц Общества и Александровского училища», составленный в 1848 году инспектором классов М. М. Тимаевым, содержит отметки («отлично», «очень хорошо», «довольно хорошо», «хорошо» и «посредственно»), которые были проставлены в аттестаты выпускниц. Многие ученицы второго отделения по ряду предметов

³² Аналогичная история произошла с племянницей Фета Олей Шеншиной, осиротевшей во младенчестве, до девяти лет жившей у тетки, а потом помещенной опекуном И. П. Борисовым в московский пансион Эвениус. В письме к Фету от 17 августа 1868 г. Борисов, рассказывая о свидании с Олей, сообщает: «Девочка выросла, и действительно ей хорошо. Но каково было общее изумление, когда вследствие спора ее с Петей (сыном Борисова. — И. К.) узнаем, что она *не знала*, как звали ее отца. До сих пор она была *Афанасьевна*, и Петя только ей открыл — Васильевну. Вот что <значит> индейское воспитание» (*Письма Борисова (3)*. С. 535).

³³ *МВ*. Ч. 1. С. 164. Фет пишет также о характерном для Нади стремлении «к идеальному миру» (Там же. С. 8) и о том, что она «едва ли не одна из целого семейства» Шеншиных знала о его стихотворстве (Там же. С. 2).

оказались неаттестованными (вместо отметки — прочерк). Дело в том, что в Смольном все воспитанницы переходили из класса в класс одновременно, независимо от успеваемости. На второй год никого не оставляли, да это было и затруднительно при трехгодичных классах. Однако аттестат честно отражал уровень знаний его обладательницы. Так, последняя в списке по второму отделению, Елизавета Челеева, была аттестована только по закону божью, российской словесности, чистописанию, танцеванию и рукоделию.³⁴

В аттестат Надежды Шеншиной, кончившей курс в своем отделении третьей, вошли следующие отметки: нравственность, закон божий, словесность российская, словесность французская и словесность немецкая, арифметика, естественная история, физика, география, история — «очень хорошо»; «искусства»: рисование — «довольно хорошо», чистописание — «посредственно», пение — «хорошо», музыка — «очень хорошо», танцевание — «очень хорошо». И, наконец, рукоделие — «хорошо».³⁵ В числе двенадцати лучших воспитанниц второго отделения Надя Шеншина была награждена при выпуске книгой с надписью «за благонравие и успехи».³⁶

Единственное «посредственно» — по чистописанию — роднит Надю с ее братом Афанасием, обладавшим, по мнению его корреспондентов, да и его собственному, неразборчивым почерком. Естественная история — это, вероятно, общее название для ботаники, минералогии и зоологии. По свидетельству М. С. Угличаниновой, данные предметы, как и физику, преподавали в белом классе на французском языке в сжатом виде.³⁷ Уроки музыки А. Н. Шеншин оплачивал дополнительно, о чем свидетельствуют сохранившиеся в личном деле сестер Шеншиных квитанции.³⁸ Надо отдать должное Афанасию Неофитовичу, при всей недостаточности своих средств, он не скупился, когда дело касалось образования его детей.

Повествуя в своих мемуарах о студенческих годах и о службе в кирасирском полку, то есть о том периоде, когда Надя находилась в ин-

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. № 5197. Л. 159 об.—160. «...В нашем классе были две воспитанницы, — вспоминала Угличанинова, — которые при выпуске едва умели написать свои фамилии, их учителя уже и не вызывали к ответу уроков, а только ставили в книге нули <...>» (Угличанинова. С. 19).

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. № 5197. Л. 157 об.—158. В журнале Тимаева отчетство Нади «Неофитовна» зачеркнуто, выше вписано «Афанасьевна».

³⁶ В «Списке отличнейших воспитанниц», утвержденном императрицей 1 марта 1848 г., значится по второму отделению Надежда Неофитовна Шеншина (РГИА. Ф. 759. Оп. 4. № 234. Л. 9 об.).

³⁷ Угличанинова. С. 20.

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 13, 17, 21.



М. М. Тимаев, инспектор классов в Смольном институте
в 1839—1858 гг.

ституте, Фет ни словом не обмолвился о посещении Смольного. Сюжет этот всплыл скорее случайно при описании более поздних событий. Во время совместного с Надей пребывания в Риме (1856 год) Фет пытался развеселить сестру, пережившую серьезную душевную травму. «Я заставлял иногда сестру от души смеяться, напоминая ей, как в приезд мой в сороковых годах в Петербург кирасирским адъютантом, я представлялся ее начальнице, а та к вечернему чаю устроила для меня балет, в котором корифейкой предстала сестра. Не менее смеялась она, когда я вспоминал о нервной, полувоздушной дочери этой директрисы, сердечно любившей мою Надю и вышедшей замуж

за старика сенатора. Не набрасывая никакой тени на эти действительно достойные всякого уважения личности, я только позволял себе выгибать спину, как выгибал ее почтенный сенатор, напоминая венгерца, несущего за спиною свою аптеку с эликсирами; да представлять с платком в руке добрейшую его супругу Marie, как она потопляет нос свой в одеколоне».³⁹

Хотя мемуарист не называет никаких фамилий, идентификация упомянутых им лиц не вызывает затруднений. «Начальница», которой представлялся Фет, — это Наталия Карловна Бельгард, урожденная Свенсон (Швенсон; 1789—1862), вдова генерал-майора, служившая в Смольном инспектрисой в 1823—1848 годах. Бельгард вела как раз тот класс, в котором воспитывалась сестра Фета, о чем вспоминает М. С. Угличанинова: «При каждом классе было по одной инспектрисе. В то время, как я поступила <...> в нашем, то есть кофейном, инспектрисой была Бельгард, мать кавказских героев, Карла и Валериана Александровичей, и я помню, как Государь, приехавший к нам и которому начальница ее представила, хвалил их, назвав молодцами».⁴⁰ Круг обязанностей инспектрис объясняет, почему в памяти Фета Бельгард осталась в качестве «директрисы» (такой должности в Смольном не было вовсе) и «начальницы». «Ближайшими сотрудницами начальницы в деле воспитания являлись инспектрисы. Деятельность их при М. П. Леонтьевой сводилась к тому, что каждая из них являлась в своем „возрасте“ как бы помощницей начальницы. Они следили как за нравственным и физическим воспитанием детей, так и за общим порядком, чистотой, одеждой, бельем, едой и проч. <...> Инспектрисы руководили деятельностью классных дам, получали от них подробные ежедневные отчеты обо всем случившемся за день и в свою очередь подавали начальнице отчеты каждая о своем возрасте».⁴¹

Согласно информации, выложенной на содержательном сайте потомков Н. К. Бельгард,⁴² муж ее, французский дворянин-роялист Александр Александрович Бельгард (Jean-Alexandre-Louis Cassier de Bellegarde; 1770—1816), эмигрировал в Россию в 1792 году. «Дав присягу на верноподданство России, он перенес любовь к Франции и преданность королям в свое новое отечество», — пишет его сын Валериан в своих «Автобиографических воспоминаниях».⁴³ В составе русской

³⁹ МВ. Ч. 1. С. 173.

⁴⁰ Угличанинова. С. 20.

⁴¹ Черепнин. Т. 2. С. 112—113.

⁴² Наша родословная. Генеалогические исследования А. Новожилова и Н. Белозеровой. <http://novbelgen.net/index.php/bg#bg.2> (дата обращения: 24.03.2021).

⁴³ Бельгард В. А. Автобиографические воспоминания // Русская старина. 1899. № 1. С. 161.



М. П. Леонтьева.
С акварели Э. П. Гау. 1840-е гг.

армии А. А. Бельгард участвовал в польской (1794) и шведской (1808) кампаниях, за взятие штурмом крепости Свартольм был награжден орденом св. Георгия 4-го класса; в 1813 году он заболел психическим расстройством, однако после лечения вернулся на службу, последняя его должность — командир артиллерии российских войск в Великом княжестве Финляндском. Семья Бельгарда проживала в Выборге, после его смерти осталось пятеро детей: Александр (1804—1855), Карл (1807—1868), Наталия (1808—1897), Валериан (1810—1897) и Мария. Н. К. Бельгард пришлось искать дополнительные средства к существованию. «...Она получила пенсию в 1800 р. ассигнациями, и так как на эти деньги трудно было жить и воспитывать детей даже и в скром-

ном Выборге, то она хлопотала о месте, и в 1823 г. была назначена инспектрисой Смольного монастыря. Двое ее сыновей уже учились в Петербурге, а полученное место дало еще возможность воспитывать в Смольном и двух дочерей». ⁴⁴

Старшая дочь, Наталия, в 1828 году стала женой барона Засса и уехала в его имение в Восточной Пруссии. ⁴⁵ Дата замужества Марии, как и год ее рождения не установлены. Известно лишь, что не позже 1845 года она обвенчалась с пожилым вдовцом Иваном Максимовичем Ореусом (1787—1863), который был старше ее «лет на 27» ⁴⁶ и имел от первого брака троих детей. ⁴⁷ Если сведения о разнице в возрасте между Марией и ее мужем верны, то получается, что родилась она около 1814 года, что кажется вполне правдоподобным. Детей у Марии Ореус не было. Сын выборгского губернатора, И. М. Ореус, и сам занимал высокие посты, в 1845—1849 годах был товарищем министра финансов. Для нас же более интересен тот факт, что 25 января 1846 года ему было высочайше повелено присутствовать в Правительствующем Сенате, там он служил до конца жизни и в 1860 году был пожалован в действительные тайные советники.

Возможно, Мария Ореус подружилась с Надей Шеншиной еще до своего замужества, когда вместе с матерью проживала в служебной квартире при Смольном. Свою привязанность к Наде молодая женщина сохранила и после того, как ее подопечная вышла из института, продолжая следить за ее жизнью и принимая в ней участие.

Для Нади М. А. Ореус, по возрасту годившаяся ей в матери, была не только другом, но и несомненным авторитетом. Характерно ее письмо 1850 года, где нервная, неуверенная в себе девушка жалуется брату Василию на то, что ее попытки самообразования не имеют успеха и она остается, «как и была, невеждой во всех отношениях»: «Если бы появился кто-то, кто руководил бы мною, кто показал бы мне путь, по которому идти. Будучи уже некоторое время в таком состоянии,

⁴⁴ Бельгард В. А. Автобиографические воспоминания. С. 162.

⁴⁵ <http://novbelgen.net/index.php/bg#bg.4> (дата обращения: 24.03.2021).

⁴⁶ <http://novbelgen.net/index.php/bg#bg.8> (дата обращения: 24.03.2021).

⁴⁷ В формулярном списке о службе Ореуса, составленном в 1845 г., значится: «Женат вторым браком», но имя жены не указано (РГИА. Ф. 560. Оп. 8. № 660. Л. 9). Формуляр 1858 г. дает более точные сведения: «Женат вторым браком на дочери генерал-майора Бельгарда Марии Александровне, имеет сыновей: Николая, родившегося 2 апреля 1827 г., надворный советник в ведомстве Министерства императорского двора; Ивана, родившегося 11 декабря 1830 г., капитан в Гвардейском Генеральном штабе; и дочь — Софию, родившуюся 13 июня 1825 г., вдову поручика Бибикова. Жена вероисповедания католического, дети — православного» (Там же. Ф. 1349. Оп. 3. № 1622. Л. 78).

я имела глупость поверить обещаниям г-жи Ореус, я ждала ее как своего ангела-хранителя, я верила, что она займется мной и просветит меня, насколько это возможно по отношению к человеку в моем положении, увы! она даже не собирается в наши края». ⁴⁸ Видимо, дочь инспектрисы Бельгард была неплохо образованна, если Надя связывала с ней надежды подобного рода.

Другое письмо с упоминанием Ореус, от 20 мая 1855 года, принадлежит старшей сестре Нади, Любови Афанасьевне Шеншиной, которая писала Фету из Орловской губернии: «Ты верно захочешь иметь также последнее известие об Наденьке, она, как ты уже знаешь, зиму была в Москве, все лечилась, но тамошние господа доктора, начиная с Овера и Иноземцева, ей нисколько не помогли. Наконец, мы было решились отправить <ее> за границу для минеральных вод, а между тем она писала Мме Ореус об этом (к своему другу), которая ее убедительно просила приехать в Петербург и попробовать ихних докторов, так мы и сделали». ⁴⁹ Как следует из продолжения письма Шеншиной, совет Ореус принес Наде пользу: в Петербурге нашелся гомеопат, сумевший поправить ее здоровье.

В начале 1870-х годов М. А. Ореус еще проживала в Петербурге, ⁵⁰ затем ее следы затерялись. Из ее писем сохранилось только одно, написанное вскоре после того, как у Нади родился сын. Обращаясь к ее мужу, И. П. Борисову, Ореус писала:

Не стану вам изъяснять, почтеннейший Иван Петрович, с каким чувством узнали мы о счастливом разрешении Наденьки из письма вашего, за которое муж мой и я вас душевно благодарим. Видно, что вы знали, сколько мы ценим и любим супругу вашу, и потому вы можете себе представить, с каким тревожным чувством мы ожидали этого события, никогда небезопасного. Дай Бог, чтобы малютка рос вам обоим на радость и чтобы вы наслаждались им все более и более, как образом матери его.

Намек на то, что вы все будете в Петербурге, поразил нас самым радостным образом, хотя и не совсем неожиданно, ибо Афанасий Афанасьевич Фет был у нас и сказал нам, что вы предполагаете побывать в Москве и Петербурге. Когда это сбудется, не знаю, но надежда познакомиться с вами лично, увидеть Наденьку и ее ребенка и семейный быт уже радует нас.

⁴⁸ *Письма Борисова (1)*. С. 211. Подлинник по-франц.: Там же. С. 209. Пользуемся случаем, чтобы внести поправку: вместо напечатанного нами *m-me Ozéus (Озеюс)* должно быть *m-me Oréus (Ореус)*. См. также: *РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 23. Л. 6 об.

⁴⁹ *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 70. Л. 4 об.

⁵⁰ <http://novbelgen.net/bg#bg.8я> (дата обращения: 24.03.2021).

Передайте Наденьке мое поздравление и желание ей скорого выздоровления и примите уверение в искреннем моем уважении и преданности.

3 декабря 58.

М. Ореус.⁵¹

Мария Ореус упоминает в своем письме о посещении Фета. Действительно, поэт был в Петербурге 13—21 ноября 1858 года, вел там переговоры о публикации своих произведений с редакторами журналов, встречался со знакомыми,⁵² к числу которых теперь можно добавить и супругов Ореус. Что же касается планов Борисовых приехать в Петербург, то им не суждено было сбыться: помешал недостаток средств, а потом и вернувшаяся болезнь Нади.

Остается ответить на вопрос, когда именно Фет побывал в Смольном и познакомился с инспектрисой Бельгард, ее дочерью и зятем. Сам мемуарист утверждает, что это произошло в бытность его кирасирским адъютантом. Известно, что с марта 1846 по апрель 1848 года Фет был прикомандирован к корпусному штабу и за этот период выезжал за пределы Новороссийского края лишь на время отпуска, в котором находился с 27 сентября 1847 по 26 января 1848 года; отпуск он провел в Новоселках и в Москве, где готовил к печати сборник своих стихотворений,⁵³ о поездке в Петербург сведений нет, из чего, конечно, не следует, что такой поездки не было.

Но вполне вероятно, что Фет либо ошибся, связывая свой визит в Смольный с «адъютантским» периодом, либо бывал там и раньше, до поступления на военную службу. В его воспоминаниях есть подробный рассказ о поездке в Дармштадт, на родину матери, которую он совершил в 1844 году, вскоре после окончания университета. Описывая свое первое заграничное путешествие, Фет сообщает, что, добравшись до Петербурга, он «не медля взял место на отходившем в Штеттин пароходе „Николай“»⁵⁴ и сразу отбыл в Кронштадт, чтобы сесть на корабль. Осенью, пробыв в Германии несколько недель, вернулся в Россию тем же путем, то есть опять-таки через Петербург, в сопровождении старшей сестры Лины, принявшей брачное предложение врача А. П. Матвеева. В Петербурге поэта встретил его друг И. П. Бори-

⁵¹ РГБ. Ф. 315. К. 10. № 7. Л. 1—1 об. «Как образом матери его»: родившийся 14 ноября 1858 г. сын Борисовых Петя поражал сходством со своей матерью, о чем, видимо, сообщил Борисов в письме к М. А. Ореус.

⁵² Письма Фета к жене от 13, 14—15 и 16 ноября 1858 г.: Там же. К. 2. № 23. Л. 3—8 об.

⁵³ *Летопись (1985)*. С. 148—150.

⁵⁴ РГ. С. 239.

сов, который принес дурную весть о смерти дяди Петра Неофитовича,⁵⁵ других подробностей о своем пребывании в столице мемуарист не сообщает. Воспользовался ли Фет случаем, чтобы навестить Надю? Если вдуматься в ситуацию, то становится понятно, что поступить иначе, независимо от собственного желания, он не мог. Прошло лишь несколько месяцев со дня внезапной смерти старшей из смолянок. Трудно представить, чтобы ее родители, зная, что Афанасий будет в Петербурге, не поручили ему непременно повидать оставшуюся дочь или чтобы Фет не понимал, с каким нетерпением тяжело больная мать ждет его рассказа о Наде. (Напомним, что Е. П. Шеншина страдала от онкологического заболевания и скончалась вскоре после возвращения сына в Новоселки, 14 ноября 1844 года.)

Итак, есть основания предполагать, что Фет побывал в Смольном осенью 1844 года, когда его сестре было около двенадцати лет. В институте ему был оказан радушный прием и, возможно, не только потому, что он был братом Нади Шеншиной. Вполне вероятно, что Мария Ореус уже знала его по журнальным публикациям как поэта.

⁵⁵ *РГ*. С. 258.